

Художник
ШЕПАРД ФЕЙРИ

«Крайне важно сохранить голос» Шепард Фейри о праве художника на создание шедевра

Уличный художник сотрудничает с люксовым гигантом — разве это не парадокс?

Не думаю. Я пытаюсь достучаться до всех людей любыми доступными мне средствами. Мысль, которую я выражаю, в первую очередь должна соотноситься с контекстом, в котором я пытаюсь ее донести. С местом, которое я выбираю. И в этом плане сотрудничество с Hublot идеально для меня.

Их аудитория готова услышать мой голос, так как она уже выбрала Hublot, а значит, готова расширить свои горизонты и узнавать совершенно новые для себя вещи. У Hublot очень дерзкие клиенты. И для меня работать с ними невероятно увлекательно. Это не вопрос достатка. Это вопрос видения, которое не зависит от достатка. Я создавал обложку для альбома группы Led Zeppelin — их слушают все, у всех есть эмоции, связанные с группой и музыкой. А значит, и мое искусство в какой-то степени теперь связано с этими эмоциями у тех, кто любит Led Zeppelin. И у тех, кто любит Hublot.

Получается, вы объединили два противоположных явления — люкс и уличную культуру?

Я чуть иначе отвечу на ваш вопрос. Вы же ходите в музеи или галереи. И при этом вы сейчас здесь, в Винвуде, и вам нравится. Для меня важно, чтобы те, кто любит уличное искусство, узнали и о существовании искусства музейного. И наоборот, музейные зазнайки должны оценить голос улиц. Этот взаимный обмен меня и привлекает. Я всегда делал вещи с минимальным бюджетом, опасные, рискованные, но я всегда рисовал и верил, что у каждого художника есть право создать шедевр без ограничений. Hublot — это компания, которая верит в возможность создания шедевров. Сотрудничество с ними — это постоянное развитие. Если для идеи еще не придумали подходящую технологию, они придумают ее, будьте уверены. Люблю работать с пионерами.

Оглядываясь назад, на свои манифесты, вы разделяете все высказанные когда-то мысли?

Когда я был молод, у меня не было полного понимания важности искусства. Оно казалось мне лишь способом украсить что-то. А потом я стал слушать панк-рок, который использует искусство как способ агитации и заявления «Я существую, и вы меня не остановите!». Я люблю искусство с социальным посылом, но раньше я обращался к людям со своим манифестом и как бы говорил: «Не понимаете — идите к черту!» Сейчас я говорю так: «Я верю в то, что говорю, и если вы потратите несколько минут на то, чтобы разобраться, вероятно, вам тоже понравится моя мысль». Соблазнять людей мощной картинкой, а потом, на втором уровне восприятия, погружать их в смысл — такое искусство мне нравится все больше.

Уличное искусство долгие годы было вне закона, а вас и ваших коллег считали вандалами. Сейчас вы успешный человек, создаете картины, которые оценивают довольно дорого. Как вы говорили, что вас часто упрекают в лицемерии. Как вы отвечаете на подобные выпады?

Я рад, что уличное искусство перестало считаться актом вандализма. Но в мире, где стрит-арт стал модным, все сложнее сохранить свой уникальный голос — это правда. Я всегда воспринимал свои работы как чудо-лекарство от всех проблем. Точнее, в том числе и благодаря этим работам искусство улиц стали ценить, декриминализировали и возвели в ранг способа самовыражения. Но крайне важно сохранить голос — различимый, громкий, мощный. И не скатиться в коммерческий оппортунизм. Быть коммерчески успешным было моей целью, потому что тогда я мог бы говорить еще громче, у меня было бы еще больше рупоров. Хотя кто-то считает, что коммерческий успех — это синоним конформизма. Я так не считаю. Когда тебе приходится просить

гранты и искать спонсоров — вот где настоящий конформизм. Сейчас у меня своя коллекция одежды, принты, галереи, которые меня представляют. Сложность в том, чтобы не погрязнуть в комфорте и продолжать громко высказываться.

И тем не менее, кажется, вы стали осторожнее в высказываниях? Из-за роста популярности и ответственности?

Я более осознанно стал подходить к пониманию человеческой психологии. Я чувствую, что не хочу быть дикарем от искусства. У меня есть свой узнаваемый стиль, но я больше не хочу противостоять миру. Популярность для меня имеет несколько иное значение. Я понимаю сейчас, как много людей верят мне, как много светлых умов. Я больше не чувствую, что стою один посреди пустыни, посылая отчаянные сигналы в поисках разумных существ где-то там за горизонтом. Теперь у меня множество последователей, которые меня слышат. Но я не считаю, что должен проповедовать лишь среди последователей. Я хотел бы говорить с максимально широкой аудиторией.

А как вы используете свой голос в вопросах защиты окружающей среды?

В последние несколько лет это важная тема в моих работах. Я много сотрудничаю с Советом по защите природных ресурсов США, перечисляю пожертвования. Изменения климата кажутся мне самым страшным явлением. Это обязательно приведет к смертям и к террору. Что бы мы ни делали, мы не можем это игнорировать. Любой бизнес, любой наш проект будет подтвержден этим изменением. Более того, мне часто говорят, что я рисую краской из баллончиков и грош цена моему экоактивизму. Но, черт возьми, ты родился, ты уже одним фактом своего существования вносишь свою долю в выбросы углекислого газа в атмосферу — никто не идеален. Но я стараюсь быть настолько ответственным, насколько могу, компенсируя вред пользой. И если возвращаться к вашему вопросу о лицемерии, если кто-то считает, что я лицемерю, значит, его самого что-то беспокоит в собственном поведении. И его попытки нападать на меня — это уже победа: пусть хоть так подумает об окружающей среде. Что я еще могу сделать? Я не меняю своих принципов на ровном месте. Я инвестирую в людей, которые меняют мир.

Несколько часов назад вы стояли в толпе студентов школы дизайна. Чему вы хотели бы их научить в первую очередь?

Никогда нельзя недооценивать себя и свою силу. Особенно если они хотят культивировать свой талант, развивать свой голос. Мне кажется, самая серьезная проблема нашего общества в том, что многие люди, корпорации, политические партии аккумулируют непропорциональное количество власти, и чтобы удерживать этот объем власти, они должны убеждать всех вокруг, что их голоса ничего не значат. И так они сохраняют контроль. Поэтому я хочу сказать всем: это трюк! Не верьте! У вас есть сила! Используйте свой голос! Голосуйте! Делайте свое дело и меняйте мир! У нас у всех не так много времени на это.

К разговору о времени. Часы в век смартфонов перестали быть лишь индикатором времени. Что для вас лично значит часы на запястье?

Да, последние 20 лет точно. У меня диабет первого типа. Мой отец врач. В 1996 году, когда мне поставили диагноз, отец сказал мне: «Хорошие новости: это тебя не убьет. Плохие новости: ты проживешь на двадцать лет меньше, чем другие». Так что мои часы тикают, и ценность времени я понимаю очень хорошо. Поэтому я такой продуктивный, наверное. Я никогда не хотел терять времени, и я всегда ношу на руке часы как напоминание о том, что мое время бежит очень быстро.

Беседовала Натела Поцхверия

BIG BANG MECA 10 SHEPARD FAIREY GREY, 45 MM, МЕХАНИЗМ С РУЧНЫМ ПОДЗАВОДОМ, КАРБОН, ТЕКСАЛИУМ

BIG BANG MECA 10 SHEPARD FAIREY BLUE, 45 MM, МЕХАНИЗМ С РУЧНЫМ ПОДЗАВОДОМ, КАРБОН, ТЕКСАЛИУМ

